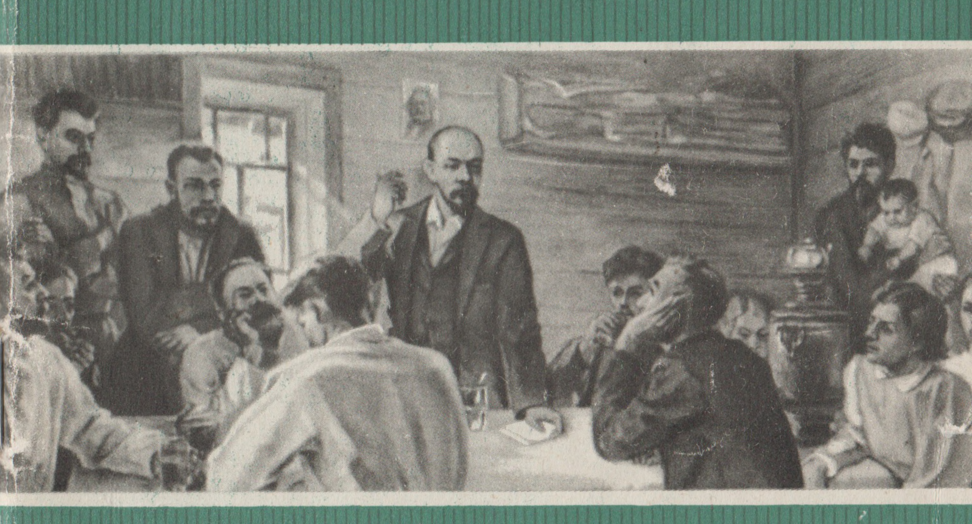
О. ЛЕПЕШИНСКАЯ

Встречи с Ильичем

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ

Встречи с Ильичем

(ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЙ БОЛЬШЕВИЧКИ)

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1966

3К26
Л48

Ольга Борисовна Лепешинская (1871—1963) член КПСС с 1898 года, советский биолог, действительный член Академии медицинских наук СССР.

С 1894 года Ольга Борисовна участвовала в революционном движении, работала в марксистских кружках, из которых в дальнейшем, под руководством В И Ленина, сложился петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1897—1900 годах она находилась вместе с мужем — революционером П. Н. Лепешинским в сибирской ссылке.

В 1902 году эмигрировала в Швейцарию, училась в Лозанне на медицинском факультете.

По возвращении в Россию принимала участие в подготовке II съезда РСДРП. В 1903 году вновь последовала за мужем в Сибирь, организовала его побег из ссылки. В 1903—1906 годах была в эмиграции в Женеве, работала в группе большевиков-эмигрантов. В 1906 году вернулась в Россию, вела партийную работу в Орше. В 1915 году окончила медицинский факультет Московского государственного университета. После победы Октябрьской революции вела научную деятельность. В 1935 году О. Б. Лепешинской присвоено звание доктора биологических наук

Долгое время являлась руководителем лаборатории цитологии Академии медицинских наук СССР Ею опубликовано более 120 научных работ.

Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР и Московского Совета.

Первая встреча с Владимиром Ильичем

Много лет прошло с тех пор, как я впервые, в 1894 году, увидела Владимира Ильича.

Это было время страстной и непримиримой борьбы социал-демократов — марксистов с народничеством и легальным марксизмом.

В этот период роста и подъема социал-демократии и совершился такой знаменательный в жизни нашей партии факт, как вступление на арену общероссийской политической борьбы Владимира Ильича Ленина.

В те времена царское правительство не считало легальный марксизм опасным для капиталистического мира и разрешило открытую борьбу между легальными марксистами и народниками. Легальным марксистам было разрешено свободно выступать как в Вольном экономическом обществе, так и в печати. Молодежь увлеченно следила за борьбой народников (Михайловский, В. В. (Воронцов), Николай — он (Даниэльсон) и др.) и легальных марксистов (Туган-Барановский, Булгаков, П. Струве), посещала все собрания общества.

Многие из нас, молодых, неопытных еще марксистов, не могли понять тогда сущности легального марксизма и с большим почтением относились к имени Петра Струве, считая его одним из идейных вождей марксизма.

И вот, когда в 1894 году некоторые из нас (в том числе и я, как член марксистского кружка) получили приглашение на нелегальную вечеринку, где предстояло очередное выступление «самого Петра Бернардовича», мы с восторгом устремились туда.

— Будет говорить не только Струве, но и кто-то против него,— многозначительно было сказано при передаче приглашения. До того, вне открытой дискуссии, редко кто выступал против Струве.

Как сейчас помню маленькую дачу, где и был организован фиктивный именинный праздник. В одной из комнат был стол с яствами и вином — на случай прихода полиции. В другой комнате, переполненной народом, утопая в волнах табачного дыма, Струве просвещал жадно внимавшую его словам молодежь.

Что говорил в своей речи П. Струве, я не помню в подробностях, но он и на этот раз восхвалял капитализм, призывал к нему на выучку. По окончании речи Струве, после громких аплодисментов, после похвальных речей некоторых из выступавших вдруг откуда-то из глубины комнаты раздался громкий приятно гортанный голос. Несколько картавя, приземистый молодой человек с огромным лбом и светящимися умом глазами говорил, что речи Струве являются в высокой степени вредными для дела революции, что он защищает интересы буржуазии, а не рабочего класса. Величественный Струве вначале поглядывал на дерзкого оппонента иронически, сверху вниз. А тот, нисколько не смущаясь, заложив руки в прорез жилетки, опровергал доводы нашего «кумира». Струве не на шутку рассердился. В особенности волновала его одна реплика противника: «Если ваша мысль будет и дальше идти в этом направлении, то меня нисколько не удивит встреча с вами когда-нибудь по разные стороны баррикад».

Нас тогда смутили эти слова. «Самому Струве» сказать, что он очутится по ту сторону баррикад,— какая неслыханная дерзость! Но справедливость требует добавить, что симпатии многих слушателей стали склоняться на сторону пришельца. Все более и более отчетливой становилась поляризация аудитории. Спор продолжался по углам. Из уст в уста переходило и имя противника Струве, выступившего так решительно против искажения революционной сущности марксизма.

— Это — Ульянов, молодой адвокат...

Владимир Ильич предложил тогда Струве продолжить их дискуссию в печати. И действительно, вскоре была опубликована работа Владимира Ильича под названием «Эко-

номическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», подписанная псевдонимом: К. Тулин.

Выступление Владимира Ильича на нелегальной вечеринке в Лесном произвело на нас глубокое впечатление. Мы начали понимать, что надо отличать настоящий марксизм от лжемарксизма, что под именем марксистов могут укрываться и враги революции.

Выступление В. И. Ульянова, основанное на глубоком знании Маркса, полное пламенной веры в победу рабочего дела, его рефераты, книги против народничества и легального марксизма помогли многим молодым марксистам стать на верные революционные позиции.

Уже в то время, в 1894 году, двадцатичетырехлетний Владимир Ульянов выступал во всеоружии не только против явно враждебной марксизму народнической идеологии, но и против извратителей марксизма в самой марксистской среде.

Во взглядах Струве, в то время не разгаданных даже Плехановым, Владимир Ильич уже ясно различал черты будущего врага рабочего класса. Он подметил в его хитрых уловках мысли блудливую повадку лжемарксистов, проталкивавших под видом «модного учения» зерно буржуазной идеологии.

Ленин быстро завоевал уважение и любовь членов марксистских рабочих кружков, и под его руководством они были объединены в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года было арестовано руководящее ядро «Союза» — В. И. Ульянов, А. А. Ванеев, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. К. Запорожец и член народовольческого кружка П. Н. Лепешинский, я узнала об этом аресте той же ночью. Я жила в то время в одной квартире с сестрой Г. М. Кржижановского Тоней. Ночью, получив известие об аресте брата, встревоженная Тоня разбудила меня, и мы принялись немедля прятать нелегальную литературу, которая хранилась у нас в большом количестве.

Вскоре и мне пришлось познакомиться с царской тюрьмой, в которой сидели Владимир Ильич и другие члены «Союза борьбы». Политический Красный Крест поручил мне навещать в тюрьме П. Н. Лепешинского, у которого не было родных в Петербурге, под видом его

невесты (позднее я стала женой П. Н. Лепешинского, последовав за ним в ссылку).

От Пантелеймона Николаевича, ставшего в тюрьме социал-демократом, мне удавалось время от времени узнавать о других заключенных. Несмотря на строгое одиночное заключение, арестованные нашли способы общаться друг с другом и с товарищами на воле.

Однажды Пантелеймон Николаевич преподнес мне в тюрьме необыкновенно ценный подарок.

— Разрешите подарить вам самое дорогое, что у меня есть.

— Что же это такое? — полюбопытствовала я.

Лепешинский протянул мне книгу. Я прочла титульный лист: «Карл Маркс. Капитал. Том первый».

— Эту книгу удалось получить с воли еще до знакомства с вами,— сказал Лепешинский.— Забавно, что тюремные цензоры легко пропустили книгу, причем один из них даже сказал: «Капитал. Ну, это пособие по бухгалтерии. Можно передать арестанту».

В тюрьме я «Капитал» внимательно проштудировал. Такой подарок можно сделать лишь невесте,— добавил он смущенно.

Я горячо поблагодарила за подарок, и с тех пор мы стали внимательно изучать «Капитал» в нашем марксистском кружке, члены которого были в восторге от ценного дара Лепешинского. В то время достать «Капитал» было чрезвычайно трудно.

В Сибири

Закончив Рождественские курсы в Петербурге и получив звание «лекарской помощницы с отличием», я собралась ехать за Лепешинским в Сибирь. Преодолев множество трудностей, я наконец добралась до Сибири и на енисейском пароходе приплыла к селу Казачинскому. Потекли дни ссылки. Ссыльнопоселенцы ходили в лес, рубили дрова, занимались охотой, писали статьи, очерки и заметки в газеты, особенно в «Сибирскую жизнь», много читали. Я стала работать сельской фельдшерицей...

В селе Казачинском отбывали ссылку не только социал-демократы (марксисты) Ленгник, Якубова и Лепешинский, но и народовольцы В. С. Арефьев и некий малограмотный юноша Пинчук. Народовольцы не раз

говорили про Владимира Ильича, что он очень умный и дельный, но очень гордый и ведет себя «по-генеральски».

Вскоре я была по работе переведена в Минусинский округ и по пути к месту работы заехала в Красноярск, где узнала, что туда приехал из села Шушенского Владимир Ильич Ленин. В Красноярске была в это время Тоня Розенберг, которая ехала к своему жениху Старкову вместе со своей матерью. Она предложила мне пойти к Владимиру Ильичу. Но я постеснялась. Во время нашего с Тоней разговора раздался вдруг стук в дверь, дверь открылась, и на пороге показался Владимир Ильич Ленин. Он приветливо поздоровался, стал расспрашивать о каждом ссыльном из казачинской колонии: кто чем живет, каково материальное положение товарищей, каковы взаимоотношения между представителями народовольцев и социал-демократов, интересовался, не преследует ли их полиция, занимаются ли литературной работой.

Я едва успевала отвечать на все вопросы Ильича.

По отношению ко мне, готовившейся стать матерью, он проявил себя заботливым, чрезвычайно простым и чутким товарищем, что никак не вязалось с рассказами о нем некоторых народовольцев.

Ильич спросил меня:

— Чего бы вам сейчас хотелось поесть?

Я шутя ответила:

— Мой младенец хочет омаров.

Я решила пошутить так, считая, что просьба моя невыполнима.

Однако Ильич, схватив фуражку, быстро вышел из дому, раздобыл в каком-то магазине консервы из крабов и преподнес их мне, к моему великому смущению.

Вскоре мне пришлось еще ближе познакомиться с Ильичем. Узнав, что мы с Тоней едем в Минусинск, куда направлялся и он, Владимир Ильич проявил верх заботливости по организации нашего путешествия.

В Минусинск мы ехали на пароходе. В девятиместной каюте вместе с Владимиром Ильичем помещались я, моя воспитанница пятнадцатилетняя девочка Лена, Тоня Розенберг с матерью и еще пять незнакомых нам пассажиров. Из соображений конспирации политических разговоров мы не вели.

В моей памяти ярко сохранились живость и подлинно человеческая простота, с какими Ильич общался с природой и с людьми. Окрестности Красноярска — один из живописнейших уголков в мире. Вековые сосны и кедры величественно возвышаются густой стеной за холмистыми берегами Енисея. А там за лесом — силуэты гор Саянского хребта, которые в этой местности прозвали «столбами», так как гранитные вершины гор могучими массивами устремились далеко ввысь.

Выходя изредка на палубу парохода, Ильич любовался дивными видами енисейской природы. Однако на палубе он бывал неподолгу, чаще всего находился в каюте.

Наши койки в каюте оказались рядом. Помню, однажды и Ильич и я лежали на своих койках и читали. Я невольно обратила внимание на то, что страницы в толстой книге, которую читал Ильич, перелистываются им быстро-быстро. Я едва прочитывала в своей книге 5—6 строчек, а рядом Ильич уже перелистывал новую страницу. Методический шорох страниц непрерывно доносился до моего слуха. Я поглядела на раскрытую книгу в руках Ильича. Вижу — книжка иностранная.

— Владимир Ильич,— спросила я,— что вы делаете?

Ильич удивленно поднял глаза.

— Как что? Читаю...

— Разве так читают? — сказала я. — Вы все читаете или только просматриваете книгу?

— Конечно, все — и очень внимательно.

— Но разве можно так быстро читать? — удивилась я.

— Вот оно что,— улыбнулся Ильич. — Вы правы: я читаю быстро. Но так надо, я себя приучил к этому. Мне необходимо очень много прочесть. Поэтому медленно читать мне нельзя...

За несколько дней Ильич прочитал в каюте парохода столько книг, сколько иной и за год не прочтет.

Моя воспитанница Лена Урбанович, большая проказница, видя Ильича всегда сосредоточенным над книжкой, решила подшутить над ним. Она надела чьи-то брюки, мужское пальто и шляпу, взяла в руки тросточку, нацепила на нос пенсне и неузнаваемо преобразилась в молодого человека. Едва Ильич в сумерки вы-

шел на палубу поразмяться, как переодетая плутовка стала ходить за ним по пятам.

Ильич вернулся в каюту.

— Черт знает что,— сказал он,— даже здесь шпионят.

Вслед за Ильичем в каюту вошла Лена и стала снимать свой маскарадный костюм. Все рассмеялись, а веселее всех смеялся Ильич, очень любивший шутку.

По расписанию пароход должен был плыть трое суток. Но стояли жаркие июльские дни [1], и Енисей сильно пересох. Из-за мелей пароход часто останавливался и шел очень медленно. Уже на полпути у большинства пассажиров иссяк запас продовольствия.

Всех выручил Ильич. На одной из длительных остановок Ильич объявил, что пойдет за продуктами.

Я предложила Ильичу взять с собой корзинку.

— Не надо,— сказал Ильич.

— В таком случае возьмите меня с собой. Вы один не донесете,— настаивала я. Ильич снова заявил:

— Не надо.

И Владимир Ильич быстро скрылся в прибрежных зарослях. Через некоторое время к пароходу подошла большая группа крестьян с Ильичем во главе. Одни крестьяне несли молоко, другие — хлеб, третьи — масло, мясо, яйца.

Ильич, оказывается, разыскал деревню, привел оттуда крестьян, предусмотрительно предложив им нести к пароходу необходимые пассажирам продукты. Все принесенное было быстро раскуплено. Так Ильич обеспечил питанием всех пассажиров парохода.

В Минусинск мы прибыли на шестой день плаванья.

Живя по соседству с Владимиром Ильичем, в селе Ермаковском, верстах в 60-ти от него, наша семья, увеличившаяся за это время (родилась дочка Оля), очень часто встречалась с Владимиром Ильичем, который приезжал к нам иногда с Надеждой Константиновной.

В условиях ссылки Владимир Ильич сохранял свою обычную жизнерадостность, обставив свою ссыльную жизнь по-своему, по-ильичевски, доступным для него «нравственным комфортом».

---

[1] Ольга Борисовна Лепешинская ошибается. На самом деле В. И. Ленин выехал в Минусинск 27 сентября (ст. ст.) 1897 года.— *Ред.*

Все занимало Ильича и в условиях ссылки — начиная с шушенского мира с его крестьянскими интересами глухого сибирского захолустья и кончая международной борьбой труда с капиталом, за которой Владимир Ильич внимательно следил из своего сибирского далека.

В какой обстановке жил тогда Ильич? В одном из писем того времени Владимир Ильич кратко характеризует село Шушенское: «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет».

С шушенскими богатеями Ильич старался не иметь контакта. Но к крестьянской бедноте он чувствовал большие симпатии, приходил к ней на помощь своими советами, заводил с некоторыми крестьянами, например с Ермолаевым, приятельские отношения, хаживал к ним в гости, вместе с ними охотился.

В мае 1899 года к нему в село Шушенское нагрянули жандармы, произвели в избе тщательный обыск и учинили допрос. Поводом послужил установленный ими факт переписки Владимира Ильича с ссыльными социал-демократами. Однако при обыске жандармы ничего существенного не обнаружили.

Известно между тем, что Ильич и в своей шушенской ссылке проводил огромную литературно-пропагандистскую и организационную революционную работу. Он многократно совершал поездки в Минусинск, Красноярск, в село Ермаковское, встречался здесь с революционерами, принимал участие в собраниях и совещаниях ссыльных марксистов. Обычно Ильич легально добивался разрешения на эти поездки, выдвигая, например, мотив необходимости работы в библиотеке. Впрочем, работа в библиотеке действительно была постоянной потребностью Ильича, и при выездах на собрания ссыльных в Минусинск и Красноярск он доставлял много хлопот местным библиотекарям: такого активного и требовательного (в отношении количества книг) читателя библиотечные работники, вероятно, не встречали за всю свою жизнь.

Ильич и в ссылке был в курсе вопросов, волновавших партию, не порывал связей с действующими кадрами партийных работников, не отставал от живой революционной борьбы.

Весть о первом партийном съезде Ильич воспринял как радостный огромный праздник. Он собрал всех нас,

марксистов минусинской ссылки, рассказал о полученном с воли письме, в котором сообщалось о состоявшемся первом съезде партии, и, торжественно подчеркнув, что отныне социал-демократическая партия в России создана, предложил нам всем вступить в нее. Мы с энтузиазмом откликнулись на предложение Ильича, и с этого дня каждый из нас считал себя не просто марксистом, не только участником «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а членом Российской социал-демократической рабочей партии. Мы испытывали необычайную гордость — гордость революционеров от сознания, что удостоились права носить это великое звание членов партии.

Работая интенсивно и плодотворно, Ильич умел дать и законный отдых своему напряженно работающему мозгу, умел внести разнообразие в монотонную ссыльную жизнь. Отдых для Ильича заключался не в безделье, а в том, чтобы дать работу мускулам своих ног, расшевелить каждый участок сосудистой системы, заставить сердце биться здоровым, отчетливым темпом, привести легкие в более деятельное состояние, приятно взбудоражить нервы и вообще физиологически, всем своим существом почувствовать радость жизни. В отдыхе Ильич был так же подвижен и деятелен, как и в процессе самой напряженной работы.

Я иногда сопутствовала Ильичу в его любимом конькобежном спорте. Высыпет, бывало, наша компания на гладкий лед замерзшей реки, чтобы побегать на коньках. Возбужденный и жизнерадостный Ильич уже первый там и задорно выкрикивает:

— Ну-ка, кто со мной вперегонки?

И вот уже наши коньки режут гладь ледяной поверхности. А впереди всех Ильич, напрягающий всю свою волю, мышцы, чтобы победить во что бы то ни стало и каким угодно напряжением сил. Я хорошо каталась голландским шагом и учила этому Ильича.

Ярче всего натура Ильича как спортсмена сказывалась в шахматной игре. Мой муж также был большим поклонником этого вида спорта и частенько игрывал с Ильичем в шахматы. Поэтому я разрешу себе привести его воспоминания по этому поводу.

Пантелеймон Николаевич регулярно получал письма от Владимира Ильича, с которым затеял игру по

переписке. Эти письма были приятны прежде всего потому, что Владимир Ильич, кроме очередных шахматных ходов, всегда, бывало, напишет страничку-другую, в которой поделится своими литературными планами, расскажет о том, над чем работает, какая на горизонте появилась новая оппортунистическая «звезда» и т. д. (эти письма, которых у Пантелеймона Николаевича накопилось два-три десятка, жандармы во время одного из обысков, кажется в Пскове, отобрали у него, и они так и погибли в охранке). Но специфический интерес представляли тогда для мужа и очередные ответы его шахматного партнера. Муж возился с шахматной партией, как чуть ли не с заветной задачей своей жизни. Все свободное время (а его там было много) уходило у мужа на то, чтобы создавать на шахматной доске всевозможные вариации ближайших шахматных комбинаций и выбирать, таким образом, наилучшую из них. А так как Владимир Ильич мог тратить на это дело минуты, а не многие часы в день, то он в конце концов партию проигрывал, и мой муж оказывался счастливейшим из смертных.

Муж рассказывал, что когда он впервые познакомился в Минусинске с Владимиром Ильичем, то с нетерпением жаждал помериться с ним силами на шахматной доске. Старков и Кржижановский, которых Пантелеймон Николаевич систематически обыгрывал во время этапного путешествия в вагоне из Петербурга в Москву и из Москвы в Сибирь, были очень высокого мнения о его шахматном искусстве и подзадоривали и его и Ильича поскорее засесть за шахматный столик. Оба не заставили себя долго просить и уже через четверть часа после первого свидания сидели друг против друга, углубившись в игру.

Не без некоторого волнения, рассказывал муж, стал он передвигать пешки и фигуры. Скоро результат игры выяснился: муж партию проиграл.

— Ну что ж, это со мной иногда случается,— сказал он,— в особенности если я начинаю играть с новым партнером, к манере игры которого я не успел еще привыкнуть. Вот посмотрим, что скажет вторая партия.

Но и другая партия кончилась для мужа столь же печально.

О-о, черт побери, реванш, скорее реванш...

Но и третья и четвертая партии имели тот же финал

В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. Н. Лепешинский.
С картины художника, нарисованной по наброску П. Н. Лепешинского

при общем ликовании старых шахматных противников мужа — Старкова и Кржижановского.

Нечего делать, как это ни неприятно было для самолюбия, но пришлось мужу согласиться на игру с компенсацией сил: Ильич снимал у себя какую-нибудь легкую фигуру, и тогда шансы на победу уравновешивались.

Рассказывал также Пантелеймон Николаевич о том, как они втроем, то есть Лепешинский, Старков и Кржижановский, играли с Ильичем в шахматы «по совещанию». Роль лидера «тройственного согласия» принадлежала мужу. Он разъяснял своим союзникам значение тех или иных ходов Ильича. И вот уже казалось, что Ильич терпит поражение. Он уже потерял фигуру, дела его явно не важны, и сияющая шахматная «антанта» готовится торжествовать победу: она подсмеивается над добиваемым противником и в шутливой болтовне выражает свой восторг, смакуя удачные последствия того гениального хода белых, который для черных казался

роковым. Между тем торжествующая троица не замечает того, что их полуразбитый, но еще не капитулировавший шахматный противник сидит в застывшей позе над доской, как каменное изваяние, олицетворяя огромное напряжение мысли. На его большом лбу выступили капли пота, голова низко наклонена к шахматной доске, глаза неподвижно устремлены на тот уголок ее, где сосредоточен главный пункт битвы... Ни единый мускул не дрогнет на этом словно вырезанном из кости лице, на широких висках которого напряглись синеватые жилки...

Легкомысленная «антанта» ничего этого не замечает. Первый забил тревогу ее лидер.

— Ба-ба-ба, это что-то нами непредвиденное...— голосом, полным тревоги, реагирует Пантелеймон Николаевич на сделанный Ильичем великолепный маневр.— Гм... гм... се дило треба разжуваты,— бормочет он.

Но увы! Разжевывать нужно было раньше, а теперь уже поздно. Двумя-тремя «тихими» ходами упорный «противник» «антанты» под шумок ее преждевременного ликования создал совершенно неожиданную для союзников ситуацию, и боевое «счастье» им изменило.

С этого момента их лица все более и более вытягиваются, а у Ильича глаза загораются лукавым огоньком. Союзники начинают переругиваться между собой, попрекая друг друга в ротозействе, а их победитель веселопревесело улыбается и вытирает платком пот со лба.

Так проходили в минусинской ссылке шахматные бои Ильича.

Говоря об отдыхе Ильича от исполинской умственной работы, нельзя не упомянуть и его любви к художественной литературе. Он любил, в частности, поэзию, особенно классическую: в минуты отдыха он читал Пушкина, Байрона, Шиллера, Шекспира и даже таких менее крупных поэтов, как Баратынский и в особенности Тютчев.

В. В. Старков был большим мастером по части вокального искусства и немало усилий приложил к организации хора из членов нашей ссыльной колонии. Особую страстность вносил в наши вокальные увлечения Владимир Ильич. Как-то В. В. Старков возился со своим хором, разучивавшим его любимую мелодическую, но тягучую и печальную украинскую песню «Така же ии доля,

о боже ж мий милий». Вдруг пришел Ильич. Услышав меланхолическое завывание нашего хора, он вскричал:

— К черту «Таку ж ии долю»! Давайте грянем: «Смело, товарищи, в ногу».

И, не дожидаясь могущих возникнуть возражений против нарушения им хоровой программы, Ильич, слегка детонируя, с увлечением и страстью запел своим высоким, несколько хрипловатым голосом:

Смело, товарищи, в ногу.
Духом окрепнем в борьбе...

Все сразу подтянули... Полились боевые звуки рабочего марша, и, когда Ильичу казалось, что наиболее темпераментные слова песни поются недостаточно выразительно, он начинал энергично, в такт размахивать кулаками и притопывать ногой, напрягая свой голос при исполнении особенно боевых слов песни, иногда в ущерб правилам гармонии, и к ужасу нашего завзятого вокалиста Старкова повышал подчас какую-нибудь ответственную ноту на целых полтона.

Наш хоровой кружок очень любил также и часто распевал революционные песни на слова «нашего собственного поэта» Глеба Максимилиановича Кржижановского. Еще по дороге из Петербурга в сибирскую ссылку — в Бутырской тюрьме в Москве — в общую камеру, в которой находились Кржижановский, Лепешинский и некоторые другие из осужденных по петербургскому процессу социал-демократов, была посажена группа социал-демократов, привезенных из Варшавы. Они познакомили русских товарищей с мотивами многих польских революционных песен. На эти мотивы Глеб Максимилианович составил русские тексты, частью оригинальные, частью переводные. На мотив польской патриотической песни «Варшавянка» Г. М. Кржижановский сочинил тогда в Бутырках столь популярные в дальнейшем слова:

Вихри враждебные веют над нами,
Черные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

С тех пор и пошла гулять по белу свету эта русская революционная песня на мотив «Варшавянки». Г. М. Кржижановский написал также русский перевод

революционной песни «Красное знамя», начинающейся словами: «Слезами залит мир безбрежный». Поэтическому перу того же автора принадлежит и известная песня «Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами...»

Эти и другие песни на слова Кржижановского охотно и часто распевал наш хор.

Протест семнадцати ссыльных социал-демократов против «CREDO»

Лето подходило к концу. В один из жарких августовских дней, когда на полях уже колыхалась дозревшая пшеница, в Ермаковское на нескольких подводах съехались из разных сел наши товарищи. Из Тесинского приехали петербургский рабочий А. С. Шаповалов, Е. В. Барамзин и Ф. В. Ленгник; из Минусинска — Г. М. Кржижановский со своей женой З. П. Невзоровой, В. В. Старков и А. М. Старкова; из Шушенского — В. И. Ленин и Н. К. Крупская, петербургский рабочий Оскар Энберг. В Ермаковском их уже ждали М. А. Сильвин, Н. Н. Панин, В. К. Курнатовский, А. А. Ванеев с женой, П. Н. Лепешинский и я.

Съехались по предложению Владимира Ильича, чтобы достойным образом реагировать на манифест группы «экономистов» — С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой и других, ставших впоследствии кадетами. Манифест «экономистов» многозначительно был назван его авторами «Credo» (символ веры, программа.— *О. Л.*) [1].

Съезд семнадцати ссыльных социал-демократов минусинской ссылки, так называемый «съезд 17-ти», состоялся в августе 1899 года в селе Ермаковском.

Не просто было обмануть бдительность полиции и собраться всем вместе, но сделать это удалось: одни получили разрешение навестить тяжело больного товарища, Анатолия Ванеева, другие съехались под предлогом празднования дня рождения моей дочурки Оли.

Наша квартира была более просторной, чем другие квартиры, занимаемые ссыльными, потому и было ре-

[1] Так его не называли авторы документа. А. И. Ульянова-Елизарова, посылая документ из Петербурга Владимиру Ильичу в ссылку, писала: «Посылаю тебе некое «Credo» «молодых»».— *Ред.*

шено провести предварительное обсуждение резолюции у нас.

Так и встает перед глазами просто обставленная большая комната в нашей квартире, на втором этаже крестьянского бревенчатого дома, где мы собрались. Расположились кто на чем: на деревенской лавке, на стульях и табуретах. Присутствуют не все: нет А. А. Ванеева, умирающего от туберкулеза, нет и его жены Д. В. Труховской, не оставляющей больного.

Кипя сдержанным негодованием, Ильич говорит о том, что появление «Кредо» — явление не случайное, что в нем ясно видны симптомы грядущей болезни русской социал-демократии — «экономизма». Горячо доказывает он, что не ответить на взгляды, выраженные в «Кредо» госпожи Кусковой, означало бы согласиться с необходимостью пресмыкательства российского пролетариата перед буржуазным либерализмом.

В предложенной им резолюции Ленин выдвигал как первоочередную задачу организацию политической борьбы рабочего класса против самодержавия. Он выражал надежду, что революционная партия, опирающаяся на могучий рабочий класс, достигнет целей, к которым стремится марксизм.

Заключительное очень оживленное заседание, на котором была принята резолюция, известная в партийной литературе как «Протест российских социал-демократов», происходило в квартире Анатолия Ванеева. Он доживал последние дни и уже не вставал с постели. Его кровать вынесли в большую комнату, где собрались все товарищи. Началось обсуждение «Протеста». Нельзя сказать, чтобы единогласие и общность взглядов были достигнуты сразу. Не для всех нас, революционных марксистов, стала сразу понятна губительность идей, развиваемых в «Credo» Кусковой и Прокоповича, и Владимиру Ильичу пришлось затратить немало энергии и усилий, убеждая и разъясняя.

После длительного и жаркого обсуждения и уточнения «Протест» был единогласно принят и подписан всеми участниками собрания у постели умирающего А. А. Ванеева. Он начинался словами:

СОБРАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ОДНОЙ МЕСТНОСТИ (РОССИИ), В ЧИСЛЕ СЕМНАДЦАТИ ЧЕЛОВЕК, ПРИНЯЛО ЕДИНОГЛАСНО СЛЕДУЮЩУЮ РЕЗОЛЮЦИЮ И ПОСТАНОВИЛО ОПУБЛИКОВАТЬ ЕЕ И ПЕРЕДАТЬ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВСЕМ ТОВАРИЩАМ.

Казалось бы, что́ может значить мнение небольшой кучки сосланных в Сибирь социал-демократов, обретающихся где-то в глуши... Но их голос прозвучал по всей России и имел большое значение для нашей партии, потому что в этом написанном ленинской рукой документе была с исключительной остротой раскрыта сущность опаснейшего течения в рабочем движении — «экономизма» — и показаны пути борьбы с ним.

В дни, когда происходил «съезд 17-ти», я снова встретилась и ближе познакомилась с женой Ильича Надеждой Константиновной Крупской, с которой до того встречалась в предварилке, куда она приходила на свидание с В. И. Лениным, а я — с П. Н. Лепешинским. Надежда Константиновна произвела на меня впечатление человека очень сдержанного и малообщительного, но чрезвычайно доброго и душевного. При встречах она всегда расспрашивала о здоровье друзей и стремилась оказать им посильную помощь.

Через несколько дней после «съезда 17-ти» все мы собрались вновь для того, чтобы отдать последний долг нашему погибшему товарищу. Умер А. А. Ванеев, один из соратников Ленина по «Союзу борьбы». Над его могилой Владимир Ильич произнес речь, в которой осветил славный революционный путь погибшего в ссылке боевого товарища, члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

И до сих пор трудно вспоминать без сердечной боли об этой безвременной жертве самодержавия. Немного он прожил. Почти юношей сошел в могилу, но в сердцах тех, кто знал его, этот образ нравственной чистоты и доброты остался навсегда.

* * *

29 января 1900 года заканчивался срок ссылки, и ссыльные Минусинского округа, арестованные одновременно с Владимиром Ильичем в 1895 году, стали собираться в обратный путь, мечтая о будущем, о перспективах дальнейшей революционной работы.

Собираясь уезжать, вся молодежь, однако, вела себя беспечно, и только Владимир Ильич позаботился об организации самой поездки.

Еще за месяц до отъезда я получила от Владимира Ильича письмо, в котором он дружески советовал подго-

товить для моей маленькой дочери возок, крытый рогожей, и сшить из меха для нее шубу-мешок.

«На всю отъезжающую братию» он просил приготовить тысячи две замороженных пельменей.

Мы с мужем оценили заботливость и предусмотрительность Ильича. Вдвоем мы стали готовить крытый возок для нашей маленькой дочурки, только что оправившейся после дифтерита. Предстояло ехать пятьсот километров до станции железной дороги. Возок вышел на славу. Мы тщательно обили его плотными ткаными сибирскими коврами. Для дочурки я смастерила замысловатую шубу-мешок из беличьего меха с внутренней и внешней стороны, с капюшоном; шубка наглухо застегивалась и спереди и снизу. Мы, однако, переусердствовали: в этой шубе и в этом возке девочка так изрядно обливалась пóтом, что, конечно, простудилась на первом же отрезке нашего пути — при переезде из Ермаковского в Минусинск. Пельмени я перед отъездом добросовестно приготовила, но, ко всеобщей досаде... забыла их впопыхах в Ермаковском.

По приезде в Минусинск товарищи, которые должны были ехать с нами из ссылки в Россию, сердито встретили нас, узнав, что мы забыли в Ермаковском пельмени. Кто-то даже в сердцах начал нас упрекать за появление на свет нашей дочки, говоря, что ребенок для революционера — это обуза и помеха в революционной работе. Но Ильич, как всегда очень чуткий к товарищам, стал утешать нас. Очень хорошо, говорил он, что у вас родилась Оля, она будет революционеркой. Ильич проявил большую заботливость по отношению к нам и к нашей дочурке. Он разыскал и привел к нам врача. Даже ночью Ильич приходил справляться о здоровье Оли.

Болезнь дочери затянулась. Мы с мужем были в отчаянии. Кругом нас — радостные, счастливые, взволнованные лица. Все оживленно хлопочут, снаряжаясь в далекую дорогу.. Владимир Ильич суетится больше всех и торопит остальных со сборами. Он поделился с нами своими планами: еще в Шушенском у него зародилась идея создать по возвращении из ссылки общероссийскую социал-демократическую газету, около которой будет организовываться вся работа практиков социал-демократов. Все с восторгом восприняли идею Ильича. Каждый рисовал себе перспективы связанной с планом Ильича

дальнейшей революционной работы вокруг газеты, для которой Ильич уже и название придумал — «Искра». Ильич часто приводил тогда, говоря о задуманной им «Искре», слова декабриста Одоевского, написанные им в стихотворном ответе Пушкину на его «Послание в Сибирь»: «Из искры возгорится пламя».

Настроение всех окружавших нас, возвращавшихся в культурные центры страны для дальнейшей революционной работы, поднялось до небывало восторженного состояния. Без конца раздавались шутки, смех и победные бодрые песни.

И только наше «святое семейство» из-за болезни дочери повержено в бездну уныния и стоит в стороне от этого заразительного веселья и кипучей суматохи: мы вынуждены отстать от всей компании, остаться на некоторое время в Минусинске.

Подъехали тройки с бубенчиками. Мужчины весело укладывают чемоданы, поудобнее усаживают женщин в возки и усаживаются сами. Последние поцелуи и горячие рукопожатия.

— До свидания, друзья...

Ильич на прощание обещает скоро написать. Кони рванули, забрякали бубенцы, и вот уж они скоро затихли вдали.

Вокруг ленинской «Искры»

Некоторое время — около 2—3-х месяцев — мы прожили в Омске. Мы поехали туда по распоряжению Владимира Ильича, который списался с жившим в Омске железнодорожным врачом Фроловым, мужем Ольги Николаевны Фигнер (сестры Веры Николаевны Фигнер), относительно нашего временного устройства. Фролов принял меня на работу в качестве фельдшерицы в свою железнодорожную больницу.

В Омске мы с нетерпением ждали вестей от Ильича. Ильич сдержал обещание. Пантелеймон Николаевич получил от него письмо, в котором Ильич вызывал его, предлагая Лепешинскому по дороге в Псков заехать к нему в Подольск, под Москвой, где жила мать Владимира Ильича с семьей.

* * *

В июне 1900 года я с дочуркой поехала из Москвы на родину мужа — в Могилевскую губернию, а муж поехал к Ильичу в Подольск.

Ильич по приезде из Сибири не терял ни минуты для достижения намеченной им цели — объединения всех партийных сил России вокруг задуманной им общероссийской социал-демократической газеты. Он ездил то в Петербург, то в Псков, то в другие города, устраивая нужные ему свидания, ведя с кем следует переговоры, собирая кирпичи для воздвигаемого им грандиозного здания.

Муж рассказал мне, как гостеприимно встретили его в Подольске Ильич и вся его семья [1]. Ильич показывал ему достопримечательности Подольска и его окрестностей, играл в шахматы, а самое главное — подробнейшим образом наставлял мужа относительно его партийных функций в Пскове.

Пантелеймон Николаевич становился одним из агентов «Искры», которую решено было издавать за границей. В Пскове он должен был работать земским статистиком в псковском статистическом бюро. Ильич заранее подготовил для этого почву.

Работая земским статистиком, муж должен конспиративно обслуживать «Искру», посылая для нее корреспонденции, печатные и рукописные материалы, ведя с редакцией шифрованную переписку, получая из-за границы экземпляры «Искры» и другую нелегальную литературу, храня и распространяя эту литературу.

Поселившись в Пскове, мы с мужем убедились воочию, какую огромную работу проделал там Ильич за время нескольких своих приездов в этот город. В умах псковских разночинцев, группировавшихся около земской статистики, Ильич произвел целую революцию. Даже аполитичному заведующему псковским бюро статистики Ильич чрезвычайно импонировал, как автор блестящей и в статистическом отношении книги «Развитие капитализма в России». Во всей мировой литературе не найти другой книги, в которой бы так эффективно

---

[1] П. Н. Лепешинский приезжал к В. И. Ленину в Подольск между 1 и 7 июня 1900 года.— *Ред.*

использовались статистические данные. Что же касается передовой радикальной интеллигенции Пскова, то на нее Ильич, гений революционной мысли, произвел неизгладимое впечатление. Деятельность Ильича, подготавливающего создание в России революционной политической газеты, не осталась тайной для полиции, и за ним уже началась тщательная слежка, но в июле 1900 года он сумел получить заграничный паспорт и выехал за границу.

Вскоре начала выходить «Искра», завязавшая тесные связи с организованными Ильичем в России перед отъездом за границу центрами искровцев, в том числе и с нами, псковскими искровцами. Мы информировали «Искру» о всякого рода революционных выступлениях в России, о которых узнавали что-либо определенное.

Письма мы посылали по многим адресам (в Швейцарию, Бельгию, Германию и т. д.), указанным нам Надеждой Константиновной. Мы писали свои корреспонденции особыми условными шифрами, которые нацарапывали «химией» между строк обывательского письма. Зашифровка и расшифровка нашей переписки с редакцией «Искры» лежала на мне.

В очередном номере «Искры» в отделе «Почтовый ящик» Надежда Константиновна извещала нас о получении наших информаций. В «Почтовом ящике» бывала, например, такая строчка: «2а 3б. Ваше письмо от такого-то числа получено». Это значило, что наше послание дошло благополучно.

Шифрование писем, особенно длинных, было делом столь кропотливым, трудным и долгим, что иногда, в срочных случаях, мы посылали незаконспирированные письма, преподнося лишь сообщаемые новости ультраблагонамеренным, с точки зрения жандармов, тоном. У меня сохранился образчик одного из таких писем, которое прислал мне Пантелеймон Николаевич из Пскова в Лозанну, в бытность мою там в 1902 году. Вот выдержка из этого «благонамеренно» написанного информационного послания:

«У нас новостей из жизни общественной пока что никаких. Здесь одна из девиц выпущена на свободу, и перед ней, говорят, извинялись — «недоразумение», мол, вышло. Ходит слух, что в Вильне праздновалось 1-е Мая, и всех буянов перепороли, причем — потеха какая —

у каждого казнимого спрашивали: «Сколько тебе лет?» — «25»,— отвечает. Ему всыпают 25 розог. Городовые и дворники садятся ему на голову и на ноги (говорят еще, что при этой операции играла роль какая-то доска, которую клали на ноги, но как это — я не представляю себе) и дерут. И отлично, по-моему, делают, потому — не бунтуй. Какого в самом деле черта им надо... Спасибо фон-Валю — энергичный человек. Были еще демонстрации в Сморгони и Ковне. В этом последнем прохвосты успели поднадуть полицию: она ожидала демонстрацию 18 апреля и была наготове, а они учинили скандал позже. Благодаря этому им удалось с полчаса продемонстрировать, причем перед домом губернаторским, шельмецы, пели революционные песни и пр. В Питере же, слава богу, все тихо».

Несмотря на примитивность этой «индейской хитрости», письма все же доходили, служа также информационным материалом для «Искры».

В нашу задачу входило также изыскание средств для издательских нужд «Искры». Средства эти составлялись из наших собственных отчислений, очень небольших в силу ограниченных возможностей псковских искровцев, и из пожертвований, которые удавалось получать у рабочих, интеллигентов, а иногда даже и у антимонархически настроенных представителей буржуазии.

Псковские искровцы старались как можно шире помочь в транспортировке ленинской газеты в Россию.

Припоминается, как мне однажды пришлось срочно выехать в Выборг, для того чтобы «выручить» застрявший там груз с экземплярами газеты «Искра». В багажном отделении я получила по присланной мне квитанции очень тяжелый чемодан, между двойными стенками которого лежали газеты. Но внутри он был совершенно пуст. Получилось это потому, что девушка, которой было поручено его доставить в Псков, испугалась таможенного осмотра на границе и, взяв из чемодана все свои вещи, ретировалась. Чтобы выйти из положения, я из последних денег купила большую тяжелую куклу и кренделей и заполнила ими образовавшуюся пустоту. В поезде, при осмотре, я, не дав жандармам в руки чемодан, сама услужливо раскрыла его перед ними и, таким образом, благополучно миновала на границе все опасности и доехала до Пскова.

Я рассказываю об этом потому, что факты и детали, приводимые мной здесь, хоть в какой-то мере дают почувствовать тот огромный размах, какой приняло в России дело «Искры», дело, организованное и созданное гением Ильича.

* * *

Моей последующей встрече с Ильичем, происшедшей в Женеве в начале 1904 года, предшествовали следующие обстоятельства, собственно и приведшие меня туда.

Осенью 1902 года в Пскове состоялась конференция Организационного комитета (ОК) по созыву второго съезда партии. Часть технической работы по проведению конференции легла на меня. Проходила конференция очень конспиративно: провалился лишь один из ее участников — И. И. Радченко, встретившийся уже при отъезде, на вокзале, с провокатором, приехавшим, как выяснилось позднее, из Петербурга. Тут же, на вокзале, Радченко был схвачен. При обыске у него нашли адрес нашей квартиры в Пскове, вслед за чем к нам не замедлили пожаловать жандармы.

Список членов ОК лежал в нашей квартире среди книг. К счастью, пока жандармы переворачивали все вверх дном в других комнатах, я нашла его и спрятала в шубку, которой была накрыта моя спящая дочурка. Когда дошла очередь до детской кроватки, я взяла ее вместе с шубкой на руки, и это спасло от ареста весь комитет. Все это произошло в ночь на 4 ноября 1902 года.

Пантелеймон Николаевич был отправлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Больше года продержали его там под следствием, а затем до приговора суда отправили в ссылку в Енисейскую губернию. Однако на этот раз ему грозило более дальнее путешествие — в Якутию, и не на три года, как в первый раз, а на шесть.

Нужно было Пантелеймона Николаевича вызволять.

Партия поручила мне организовать и осуществить побег мужа, пока он еще не попал в Якутию. Мне дали денег; я выразила желание ехать вместе с мужем к месту ссылки, и мы отправились. Для этого мне и маленькой Оле, которой было в то время три года, пришлось

«заарестоваться» и погрузиться в арестантский, так называемый «столыпинский», вагон с решетками и под конвоем следовать в Минусинск.

Не буду отвлекаться рассказом о том, как в Минусинске, обманув бдительность тамошних надзирателей, удалось довольно быстро устроить побег Пантелеймона Николаевича. Прошло несколько дней, и условно шифрованная телеграмма из Вены, гласившая: «Почем рога маралов?» — дала мне знать о том, что мой муж вне пределов досягаемости российской жандармерии. Он находился в Женеве.

Теперь наступила и моя очередь уносить из Минусинска ноги. Одно обстоятельство ускорило эту необходимость.

Прошло восемнадцать дней с того момента, как Пантелеймон Николаевич бежал из ссылки; в Минусинске неожиданно по улицам города были разбросаны революционные прокламации. В авторстве прокламации заподозрили Лепешинского. Поздней ночью в нашу комнату пришли жандармы. Подозрение их еще более усилилось, когда они не застали Пантелеймона Николаевича дома. С большим трудом мне удалось убедить их в том, что он тяжело заболел и срочно выехал в Томск на операцию. Через день я тоже бежала из Минусинска на степной лошади.

По прибытии в Петербург я стала готовиться к поездке за границу. Делать это нужно было без промедления. Я решила пойти на риск и попытаться проехать в Швейцарию легально, используя для этой цели имевшийся у меня еще с прежних лет документ, подтверждавший, что я являюсь лозаннской студенткой. Предъявив его в полиции, я попросила дать мне заграничный паспорт для продолжения образования в Лозанне. Паспорт мне выдали: помогло то, что петербургская полиция еще не знала о побеге моего мужа из ссылки. В тот же день я с дочкой села на поезд и выехала в Варшаву, а оттуда через два часа — в Швейцарию.

Вдали от родины

Итак, вся моя семья в Женеве. Я снова с мужем и готова делить с ним невзгоды жизни... Быстро промелькнули первые радостные дни встречи. Муж рассказал мне о внутрипартийных делах, о расколе социал-демократов искровцев на «большевиков» и «меньшевиков», о непрерывных беспринципных интригах лидеров меньшевиков Мартова, Троцкого, Дана, к которым переметнулся и «сам» Плеханов, о своих первых по приезде в Женеву встречах с искровцами. В Женеве он прежде всего поспешил отправиться к Г. В. Плеханову.

Муж допытывался у Плеханова принципиальной сути расхождений искровцев, но Плеханов лишь разводил руками, утверждая, что никаких принципиальных расхождений нет, все, мол, дело в личной борьбе между Лениным и Мартовым из-за влияния, он же, Плеханов, прилагал все усилия к примирению, но тщетно. Поскольку же Ленин отказался от его, Плеханова, компромиссных, посреднических предложений, то он считает, что вина за раскол партии лежит целиком на Ленине.

— Чтобы Ленин действовал не по принципиальным мотивам — дело немыслимое,— возразил мой муж.

Плеханов посоветовал ему «занять нейтральную позицию и в лагерь Ленина даже не показываться», затем любезно предложил Лепешинскому поселиться у одного из его, Плеханова, единомышленников и дал соответствующую записку.

Не успел муж переехать в комнатку, порекомендованную ему Плехановым, как его сейчас же почтили своим визитом Мартов и Дан. Прерывая друг друга, они рассказывали о «ленинских кознях», причем, как и Плеханов, умалчивали о принципиальной стороне разногласий, а говорили лишь о нетактичности, неотесанности, грубости ленинцев.

Муж заявил Мартову и Дану, что он еще не разобрался в существе споров, и оба приятеля ушли несколько раздосадованные, но еще не потеряв надежды «завербовать» на свою сторону только что приехавшего искровца.

Но вот Пантелеймон Николаевич встретился с большевиком П. А. Красиковым, забросал его вопросами. Больше всего мужа беспокоило и волновало, как Ленин

переживает разрыв с Плехановым. К удивлению мужа, Красиков ответил, что, как говорил Ильич, отход Плеханова от революционного марксизма не был для Ильича неожиданным. Муж был потрясен, ибо, как все русские марксисты того времени, горячо любил Плеханова. Но Ильича он и знал, и ценил, и любил еще больше и поэтому жаждал поскорее с ним встретиться. Мне ярко вспомнился этот рассказ мужа о разговоре с Красиковым, когда впоследствии я прочла заметку Ленина, написанную в сентябре 1900 года и озаглавленную «Как чуть не потухла «Искра»?». Сообщив в ней о поведении (в связи с организацией «Искры») Г. В. Плеханова, стремившегося путем интриг добиться вместо «соредакторства» «единоредакторства», Ленин рассказал и о том, как отразилось на его отношении к Плеханову интриганство последнего.

«Мою «влюбленность» в Плеханова...— писал Ленин,— как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением... идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца... товарищеских отношений он не допускает, не понимает... Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны,— мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха... Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему,— а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги... И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сентиментальности...»» [1]

Лепешинский с Красиковым решили немедленно идти к Владимиру Ильичу.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 4, стр. 343, 344, 345.— *Ред.*

Пантелеймон Николаевич очень радовался предстоящей встрече, так как возлагал большие надежды именно на беседу с Ильичем: уж если кто и может дать ключ к уразумению основной подоплеки раскола, так это только Ильич.

И вот после трехлетнего перерыва муж встретился с Владимиром Ильичем.

— Как выглядит Ильич? — живо спросила я.

— Ильич очень много работает, и он очень осунулся по сравнению с тем, каким был, помнишь, при отъезде из Сибири,— отвечал муж.— Когда я вошел, Ильич сидел в своей маленькой комнатушке на диване похудевший, побледневший. Увидев меня, он приветливо улыбнулся, осведомился о моем здоровье, спросил о тебе, о дочке... Я ждал горячих убеждений меня в правоте большевиков, резкой критики мартовцев, Плеханова, но Ленин не сказал о партийных разногласиях ни слова.

— Ильич! — вскричал Красиков.— Ведь я же специально привел к вам сего мужа, чтобы вы разрешили его сомнения и привели в наше лоно.

— Пусть сам разберется,— улыбнулся Ильич.— Есть печатные протоколы съезда, в них наши принципиальные выступления... Пусть внимательно прочтет и самостоятельно сделает свои выводы...

Бурные протесты Красикова, ожидавшего немедленного «разагитирования» моего мужа Ильичем, не помогли. Ильич не сказал о съезде ни слова, не пожелал ни чернить своих противников, ни ругать их за резкую форму выступлений, ни «агитировать» наспех за чашкою чая. Перед каждым из нас стоял большой партийный вопрос, вопрос всей дальнейшей революционной жизни, и разобраться в нем надо было глубоко, основательно, по документам, по протоколам съезда...

И муж, вняв совету Ильича, засел за всю основную партийную литературу. Он убедился, что единственно правильная, глубоко принципиальная, подлинно революционная позиция в партийном споре — позиция Ленина, позиция большевиков.

И муж, и я стали большевиками и с тех пор остались ими навсегда.

Столовая в Женеве

Я приехала из России в Женеву, как читатель, вероятно, помнит, вполне легально, получив в петербургской полиции в качестве лозаннской студентки заграничный паспорт. Муж же мой, бежав из ссылки, перешел границу нелегально, с помощью контрабандистов и не имел «законного» паспорта. У нас возникла мысль открыть столовую, использовав ее не только для прокормления нашей семьи, но и как источник пополнения партийной кассы, а также как партийный большевистский клуб.

Между тем по законам «свободной» Швейцарии женщина ограничена в своих гражданских правах — не только в праве выборов, но и в праве устройства промышленного или ремесленного заведения, будь то мастерская, столовая и т. д. Открыть подобное заведение женщина в Швейцарии может только с разрешения «главы дома» — отца или мужа.

И вот, когда я отправилась к женевским властям хлопотать об устройстве столовой, чиновник, проверив мой паспорт, который он, естественно, нашел в полном порядке, спросил:

— А где же ваш муж?

Я неосторожно сразу ответила:

— Мой муж... он здесь же со мной проживает...

— По нашим законам,— сказал чиновник,— требуется от него разрешение... Он чем же здесь занимается?

— Ничем... он — политический эмигрант...

Женевские власти оказались в затруднительном положении, не зная, как справиться с этим парадоксом жизни.

Царское правительство России наделило замужнюю, то есть «зависимую», женщину самостоятельным законным видом на жительство, в то время как богом данный ей муж, ее глава и господин — беспаспортный жалкий эмигрант. Это положение никак не согласовывалось с швейцарским взглядом на природу отношений между мужем и женой. И во имя торжества швейцарского закона, обязывающего женщину подчиняться мужу, швейцарские власти вышли из положения, выдав моему беспаспортному мужу документ о праве на жительство. Получив этот документ, муж был восстановлен

швейцарскими властями в правах мужчины, могущего разрешить или запретить своей жене заниматься желательным для нее делом... Буржуазный закон торжествовал, но в данном случае это было нам на руку.

Столовая была официально открыта. Дела пошли не плохо. Моя семья была обеспечена приютом и питанием, а весь излишек дохода от столовой шел на бесплатные обеды для большевиков-эмигрантов. Отныне у большевистской фракции появился и собственный постоянный пункт для собрания ее членов. Столовая стала центром партийной жизни большевиков.

Как сейчас видится мне знаменитая в Женеве «Каружка» (улица Rue de Carouge), в районе которой преимущественно и ютились русские политические эмигранты. Это широкая, обстроенная четырех-пятиэтажными каменными домами улица, одна сторона которой густо засажена деревьями. Неподалеку от нее протекает впадающая в Рону Арва — бурная, мутно-коричневого цвета река, весной широко разливавшаяся и нередко сносившая мосты.

Вот здесь-то, на «Каружке», 93, и располагалась столовая, служившая в то же время чем-то вроде большевистского клуба. Она находилась в первом этаже и выходила на улицу двумя большими стеклянными витринами, разделенными входом. Несколько ступенек вели внутрь помещения. Шесть длинных простых деревянных столов, полсотни стульев и пианино составляли всю ее обстановку. К задней стене примыкала кухня и небольшая комната, где обитало наше семейство. В смежном со столовой помещении были библиотека-читальня и типография.

Любой русский мог сказать, где находится наша столовая. Тут происходили заседания женевской большевистской группы, устраивались доклады, лекции, читались рефераты, слушать которые собиралось по сотне человек.

Здесь можно было встретить Бонч-Бруевича с его милой женой В. Величкиной, Луначарского, Воровского, Ольминского, Загорского, Землячку, Гусева, Красикова, Ленгника, Лядова, Ногина, ну и конечно же Владимира Ильича с Надеждой Константиновной — словом, всех тех, кто известен под именем «Женевской группы большевиков».

Здесь Ленин проводил занятия с группами большевиков, уезжавшими в Россию для ведения там партийной работы. Это была наша партийная школа, в которой под руководством Владимира Ильича происходило изучение программы партии. Занятия каждой группы длились от двух до трех месяцев. За три года существования школы таких групп прошло, вероятно, более нескольких десятков.

* * *

На собрании большевиков меня по предложению Владимира Ильича избрали председателем эмигрантской кассы, на обязанности которого лежала забота об обеспечении всех эмигрантов-большевиков жильем, питанием, одеждой и по возможности работой. Нередко также мне поручали устройство и организацию лекций и докладов пропагандистского характера, публичных дискуссий с меньшевиками. Деньги, выручаемые от этих собраний, служили одним из источников материальной помощи эмигрантам-большевикам в Женеве.

Во всех делах мне неизменно старался помочь Пантелеймон Николаевич. В оставшееся свободное время я мчалась на велосипеде в университет, где изучала медицину, а он снова садился за правку корректур очередного номера большевистской газеты «Вперед», готовил свои знаменитые политические карикатуры, широко известные среди социал-демократов («Как мыши кота хоронили», «В полицейском участке» и др.).

На занятиях ленинской партийной школы в Женеве мне приходилось присутствовать не всегда; тем не менее за годы ее существования я бывала на лекциях Ленина многократно. Тогда я впервые узнала, каким замечательным педагогическим даром обладает Владимир Ильич. Он, как никто другой, пожалуй, умел глубоко заинтересовать своих слушателей изучаемым предметом, вызвать интерес к занятиям, придать беседе живость и страстность. Примечательно и то, что если в спорах со своими политическими противниками Ленин был жестким и беспощадным, то в партийной школе, среди слушателей-большевиков, он превращался в терпеливого товарища. Подчас кто-либо из его учеников высказывал неверные,

ошибочные суждения и упорствовал в них. Ильич очень мягко, с большим тактом снова и снова разъяснял сущность рассматриваемого вопроса, находил удачные примеры и в конце концов выводил заблуждавшегося на верный путь. Поэтому никто и никогда не стеснялся высказываться, обращаться к нему, спорить.

Аудитория нашей большевистской партийной школы в Женеве была разношерстна по составу, различен был уровень развития ее слушателей. Были в ней и интеллигенты, люди с хорошей теоретической подготовкой, с образованием, были и простые рабочие, для которых приходская школа являлась их «университетом». И вот, несмотря на подобную разнородность состава, Ильич так умел построить занятия, что они захватывали всех участников и все в равной мере понимали важность изучаемых ими основ партийной грамоты. Этого общего интереса неравных по подготовке слушателей Ильич достигал умелым и очень правильным педагогическим приемом. Зная слабость некоторых своих слушателей из числа интеллигентов, любивших прибегать к расплывчатой, обильной фразеологии при изложении своей мысли, он путем наводящих вопросов и критического разбора высказанного заставлял говорящего выражать свою мысль проще и понятнее. Этим он помогал усвоить ее не только самому слушателю, но и всем остальным. В то же время он чутко улавливал каждую правильную мысль, подсказанную здоровым пролетарским инстинктом рабочего, мысль, выраженную подчас не вполне грамотно, туманно. Придав ей ясное, четкое выражение, он всегда радовался, когда выступавший в таких случаях рабочий обрадованно говорил:

— Вот-вот, это я и хотел сказать.

И на мне, как, конечно, и на всех, кто слушал тогда Ленина, эта школа оставила на всю жизнь неизгладимый след. Занимаясь под руководством основателя и организатора нашей партии, мы получили крепкую теоретическую закалку и прочно усвоили идейные основы большевизма.

Что касается меня, то в ленинской школе я получила еще и другую, особую подготовку. В те годы, занимаясь в университете и изучая там естественные науки, я постоянно встречалась с идеалистической идеологией в различных ее выражениях. Ленин на занятиях с нами

часто знакомил нас с различными сторонами философии и естествознания. Мне становилась яснее сущность идеалистических теорий, а знакомство с философией диалектического материализма помогло мне правильней усвоить естественнонаучные дисциплины, изучавшиеся в университете, и сделало меня энтузиасткой материалистического естествознания.

В Женеве Ленину меньше удавалось уделять времени для отдыха и обновления своих сил. Но и здесь он старался, хоть изредка, менять обстановку. Вместе с Надеждой Константиновной он выезжал за город или забирался в горы. Иногда такие прогулки предпринимались коллективно.

В связи с этим мне вспоминается один забавный эпизод.

Ильич не любил прогулок по воскресным дням. В такие дни за городом была масса народу и отдохнуть как следует не удавалось. Но вот как-то случилось, что большой компанией мы отправились в горы. Было это как раз в воскресенье. По дороге мы заглянули в квартиру Ульяновых, и так как Ильич не пошел, то мы прихватили Надежду Константиновну, а нашу пятилетнюю Олю оставили на попечении Ленина.

Когда мы ушли, Владимир Ильич, полагая, что маленькая гостья будет вести себя, как тихий мышонок, взялся за газету, но не тут-то было. Малышка напомнила о себе, и пришлось ею заняться. Отложив газеты, Ильич принес из кухни таз с водой и, используя пустые скорлупки от грецких орехов, стал пускать по этому «озеру» кораблики... Оля заинтересовалась, увлеклась приятным для нее занятием, а Ильич смог снова приняться за чтение. Но вот кораблики прискучили дочурке, и она забралась на диван. Воцарилось молчание. Вперившись своими голубыми глазами в Ленина, она долго изучала его внешность, и вдруг до его слуха донеслось:

— Ленин, а Ленин, отчего у тебя на голове два лица?

Ленин прекратил чтение и удивленно переспросил:

— Как так два лица?..

— А одно спереди, а другое сзади...

Ильич не сразу нашелся. Лишь после продолжительной паузы он промолвил:

— Это гм, гм... оттого что я очень много думаю.

— Ага-а...— удовлетворилась любознательная гостья, с таким старанием выяснявшая природу появления у Ленина... лысины.

* * *

Наступил знаменательный 1905 год.

Когда дошли до нас первые вести о революции в России, среди деятелей всех групп и фракций русской социал-демократии возникла идея организовать большой митинг, который явился бы первым шагом к объединению всех фракций русских социал-демократов в Женеве.

Ильич дал согласие, предложив при этом оговорить точные условия соглашения: председательствовать будет лицо, достаточно беспристрастное к участникам митинга; выступать будет от каждой группы (то есть от большевиков, меньшевиков, Бунда, латышей, польских социал-демократов) только по одному оратору; отказаться всем ораторам от явной и скрытой фракционной полемики; сбор от митинга делится поровну между участвующими в нем социал-демократическими группами и т. д.

Меньшевики соглашались на все наши условия. Но на митинге они быстро обнаружили свое вероломство.

На митинг собралось огромное количество народу. Пришел и Ильич, скромненько усевшись где-то в задних рядах с несколькими товарищами-большевиками: М. М. Литвиновым, П. А. Красиковым и др.

Председательствовала Вера Засулич.

Первым выступил Мартов. Говорил он бесцветно, вяло.

Но условия соглашения выполнил: полемических выпадов против большевиков не делал.

Затем слово было предоставлено представителю большевиков Воинову (Анатолию Васильевичу Луначарскому). Перед митингом Ильич с полчаса инструктировал его относительно содержания и формы выступления на совместном митинге. Наш оратор также не прибегал к фракционной полемике и говорил на общереволюционную тему. Это была великолепная речь, образная, сочная, проникнутая революционным пафосом и чувством меры. Успех большевистского оратора был исключительный. В зале долго звучали рукоплескания.

И тут раздосадованные меньшевики нарушили соглашение.

Дан, пошептавшись с председательствовавшей Засулич, получил слово. Вопреки соглашению выступил, таким образом, второй меньшевик, и, чтобы ослабить впечатление от речи большевистского оратора, Дан насытил свое выступление выпадами против большевиков, критиковал высказывания Воинова.

Ильич первый поднялся и тихо сказал нам:

— Идемте, товарищи, нам здесь делать нечего...

Столь же вероломно меньшевики нарушили и условие соглашения о разделе между социал-демократическими группами сборов с митинга, бывших довольно значительными.

Предсказание Ильича, что меньшевики нас надуют, как надували уже десятки раз и как будут надувать и впредь, оправдалось...

* * *

В России быстро развивалось революционное движение. Все наши мысли и чувства были прикованы к нарастающим революционным событиям в России. Мы следили за ними с жадным вниманием. Ильич работал дни и ночи с огромным напряжением. Его письма, телеграммы, указания, статьи в органе большевиков «Вперед», а затем в «Пролетарии» были источником идей и руководством к действию для революционных рабочих в России.

6 апреля 1905 года Ильич поехал в Лондон, где руководил собравшимся там III съездом партии. Съезд выработал тактическую линию большевиков в революции (меньшевики на съезде не участвовали, собравшись в Женеве на свою фракционную конференцию). Ленинская тактика, принятая III съездом, состояла в том, что, хотя революция в России носит буржуазно-демократический характер, в ее победе больше всех заинтересован пролетариат, который должен возглавить революцию, вступив в союз с крестьянством и нейтрализовав либеральную буржуазию.

Обоснованию этой большевистской тактики и критике тактики меньшевиков, боявшихся лишь одного: как бы не отпугнуть либеральную буржуазию — и

выдвигавших эту буржуазию на роль вождя революции, была посвящена историческая книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, о котором мы узнали из женевской газетки, было лишь началом революционной бури.

Революционное движение в России нарастало с огромной силой, охватывая всю страну. В октябре вспыхнула всеобщая политическая забастовка. Насмерть перепуганный царь 17 октября издал манифест с обещанием свобод. Это была со стороны царских властей провокационная ловушка, рассчитанная на то, чтобы путем лживых посулов ослабить революционное движение, подготовиться к борьбе с народом и разгромить революцию.

Меньшевики в связи с опубликованием «октябрьского манифеста» размякли, готовы были благодушно видеть в этом манифесте не ловушку для революционного народа, а чуть ли не «великодушие» царского самодержавия. Большевики же, разоблачая подлинный смысл царского маневра, решительно и смело призывали к новому удару по царизму — к вооруженному восстанию.

После манифеста 17 октября и объявления амнистии все деятели большевистской партии, бывшие в Женеве, собрались в Россию. Владимир Ильич, чтобы не разрушать очага большевиков в Женеве, предложил нам с мужем выехать в Россию последними.

В ноябре Ленин прибыл в Петербург. Скрываясь в подполье, он принял самое деятельное участие в подготовке революционного восстания.

Царскому правительству удалось, однако, с бесчеловечной жестокостью подавить революцию.

Но потерпевшая поражение революция 1905 года явилась лишь прологом грядущей победы пролетариата. На оппортунистический упрек Плеханова, который он бросил партии: «Не нужно было браться за оружие», великий революционер Ленин ответил: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие...» [1]

К концу 1905 года почти все проживавшие в Женеве большевики уехали на родину. В конце декабря, ликвидировав столовую, и я с мужем и дочерью двинулись в Россию.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., 5 изд., т. 13, стр. 371.— *Ред.*

Снова на родине

Снова мы встретились с Владимиром Ильичем уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1918 году мы оба, и я и Лепешинский, работали в Наркомпросе.

Там же вместе с нами работали В. М. Позпер, заведовавший отделом единых трудовых школ, и В. М. Бонч-Бруевич — жена Вл. Бонч-Бруевича, которая заведовала санитарным отделом. Не помню уж, по каким причинам, но Познер всячески старался добиться того, чтобы санитарный отдел был слит с его отделом и подчинен ему. По поводу этой борьбы Пантелеймон Николаевич, который очень быстро схватывал смешные стороны жизни и любил находить их выражение в рисунке, нарисовал карикатуру, в которой изобразил Познера и В. М. Бонч-Бруевич в виде двух библейских фараоновых коров. Познер — тощая корова, старается с хвоста съесть В. М. Бонч-Бруевич — толстую корову. Получилось очень смешно и остроумно. Об этой карикатуре прослышал как-то Владимир Ильич и собрался заглянуть к нам, посмотреть и ее, и все новинки графического мастерства Пантелеймона Николаевича, способности которого в этом плане он очень ценил.

В один из вечеров в нашу квартиру (мы жили тогда в помещении Наркомпроса, на Остоженке) пришли Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, А. В. Луначарский с женой и Бонч-Бруевич с женой.

Времена тогда были нелегкие, питались мы все неважно в наркомпросовской столовой, а мне очень хотелось угостить своих гостей чем-нибудь вкусным. Воспользовавшись тем, что мать Пантелеймона Николаевича прислала ему из деревни немного муки, я купила на рынке конины и сделала сибирские пельмени, которые, как я помнила, очень любил Владимир Ильич.

Владимир Ильич вскоре же после своего прихода попросил Пантелеймона Николаевича показать его новые карикатуры. Тот передал ему свои папки и альбом. Владимир Ильич просматривал рисунки и показывал их остальным, а некоторые из карикатур откладывал и никому не давал в них заглядывать. Почти каждый рисунок вызывал у него веселый смех. Особенно понравилась

ему карикатура с фараоновыми коровами. Но когда к нему подошла Вера Михайловна и хотела тоже посмотреть на листок, бывший причиной его смеха, он быстро спрятал бумагу в карман и сказал:

— Нет, нет, это не для вас.

Затем, когда она отошла и занялась разговором, отвлекшим ее внимание, он добавил вполголоса:

— Зачем обижать человека?..

Сели за стол. И тут, даже в мелочи, снова сказалась щепетильность и честность Ульяновых. Увидев пельмени, Надежда Константиновна спросила меня, улыбнувшись:

— Что это вы, спекулянтов поддерживаете?..

Ильич же сказал, что ему нездоровится и поэтому пельмени есть он не сможет.

* * *

В 1918 году на проходившем тогда съезде профсоюзов я выступила с докладом о принципах организации школ-санаториев, которые одновременно должны были бы быть трудовыми школами-коммунами. Я имела в виду, что в этих школах дети должны не только учиться, но и работать, и оздоровляться. Пантелеймон Николаевич разделял высказанные мной взгляды на этот счет и вскоре обратился к Владимиру Ильичу с предложением послать нас в Белоруссию, в родное село Литвиновичи. В личном разговоре с ним Лепешинский объяснил, что он хочет произвести опыт объединения местных крестьян в сельскохозяйственную коммуну; одновременно будет создана для крестьянских детей школа-коммуна, построенная на принципах коммунистического воспитания.

Владимир Ильич был очень доволен этим предложением и немедленно с ним согласился, говоря, что объединение крестьян в крупные коллективные хозяйства — наша важнейшая задача. Он распорядился оказать нам всяческую помощь. Нас снабдили хорошим оборудованием для создания различных учебных мастерских в будущей школе-коммуне: слесарной, столярной, переплетной; дали библиотеку и даже пианино.

Мы поехали в Литвиновичи, но в условиях острой гражданской войны встретились с озлобленным сопротивлением местного кулачества и контрреволюционных

банд. И сельскохозяйственная коммуна, и школа, просуществовав около года, после первых успехов должны были прекратить свою работу.

Школа-коммуна по требованию из центра была переведена из Литвинович в Москву.

* * *

Заканчивая свои воспоминания о Владимире Ильиче, мне хочется привести слова А. М. Горького: «...сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества — не только для нас».

Содержание

Лепешинская Ольга Борисовна.

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ. (Воспоминания старой большевички). Изд. 2-е. М., Политиздат, 1966.

40 с. с илл.

3К26

Оригинал-макет брошюры подготовлен на печатно-кодирующем устройстве ВНИИПП. Набран на линотипе Н-10

На обложке: Собрание 17-ти ссыльных социал-демократов в селе Ермаковском.

С картины художника Н. Тютикова
(экспонат Шушенского дома-музея В. И. Ленина)

Редактор *Н. Мазэ*

Художник *С. Ерохин*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор — печать 9 декабря 1965 г.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. $1^{1}/_{4}$ л. Условн. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 1,96. Тираж 85 тыс. экз. Заказ № 3635. Бумага № 2. Цена 6 коп.

Работа объявлена в «БЗ» № 47/7 от 28/VI-65 г.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано в типографии «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

6 коп.

